

До Лояна оставалось ещё почти тысяча ли пути, но ханьский император не желал покидать временный загородный дворец в уезде Цзи, где находился Красавец. Они не виделись почти три года, и мысль о новой разлуке пугала императора. Однако Цзи не был безопасным местом. Хунну с севера злобно наблюдали за ними, а Иэрдань, разъярённый, вёл за собой более десяти тысяч всадников, преследуя их до границы Ючжоу и продолжая вызывать подкрепления из племени Хулунь, не обращая внимания на то, что его старший брат Фуло сражался в Драконьем городе. Ханьский император увез его Яньчжи, сжёг его отца и брата — смириться с этим он не мог.

Красавец, слабый, лежал на большой кровати в загородном дворце, наконец вернувшись на родную землю, наконец оказавшись в объятиях брата. Его сон был беспокойным, и, проснувшись, он умолял:

— Брат, вернись.

Чжао Цзюэ печально покачал головой. Всё его сердце было привязано к брату, и он не хотел уходить. Его одолевало предчувствие: стоит ему сейчас вернуться в ханьский дворец — и брат исчезнет навсегда.

Красавец, казалось, почувствовал напряжение в охране императора и понял, что дело плохо. Он снова стал обузой. Если бы не он, брат не рисковал бы, отправляясь в земли хунну, не проводил бы время в Цзи, в тысячах ли от Лояна, в постоянной тревоге.

Красавец снова умолял:

— Ваше Величество, вернись...

Брат действительно пришёл за ним, и теперь он мог умереть счастливым, даже если это произойдёт в холодном Цзи. Император держал его за руку, молча сидя с ним на кровати. Молодой император, словно ребёнок, опустил голову на его грудь. Все эти годы ему тоже было нелегко. В ханьском дворце он ходил по тонкому льду, находясь под контролем вдовствующей императрицы. Он отравил свою мать, став величайшим злодеем в Поднебесной. Ради власти, ради своих амбиций, он убил мать. Каждую ночь ему снились кошмары; он просыпался в поту, вспоминая её почерневшие губы и не сомкнутые веки. Мать, которая в детстве так любила его, так защищала... Почему же она продолжала давить на него? Он был матереубийцей, его руки были в крови.

Император боялся возвращаться один. Он боялся потерять последнего, единственного, любимого человека. Иэрдань со своими войсками стоял на границе Ючжоу, ругая императора днём и ночью, называя его трусом, сравнивая с навозным жуком из степей хунну. Он кричал, что император не осмелится выйти на поединок один на один, что тот, окружённый сотней тысяч солдат, не решается сразиться. Эти оскорбления доходили до императора через охрану, и его лицо становилось мрачным. Он приказал лучникам на стенах выпустить стрелы в Иэрданя, но те не долетали. Иэрдань, сидя на коне, смеялся над охраной на стенах:

— Чжао Цзюэ! Ты просто трус!

— Яньчжи никогда не полюбит такого слабака! Яньчжи принадлежит только нам, хунну!

Император, с искажённым от гнева лицом, сам встал на стену и выпустил стрелу. Он был отличным стрелком, и его специальная стальная стрела вонзилась в землю перед конём Иэрданя. Тот, не испугавшись, тут же двинулся вперёд, ответив своей стрелой, которая пролетела рядом со шлемом императора и вонзилась в стену позади. Императора мгновенно

окружили солдаты, и град стрел обрушился на Иэрданя. Тот с трудом избежал смерти, но в плече у него застряла стрела. Выплёвывая кровь, он сломал наконечник и продолжил ругаться.

Более ста тысяч солдат в Цзи противостояли семидесяти тысячам всадников Иэрданя, но ни одна из сторон не решалась начать крупное сражение. Император не хотел вступать в войну с Иэрданем, он лишь стремился как можно скорее вернуться в ханьский дворец, взяв с собой Красавца. Но состояние Красавца не позволяло ему двигаться, и ситуация в Цзи зашла в тупик.

Из ханьского дворца постоянно приходили письма, которые торопили императора вернуться, и он, нервничая, не мог спать по ночам. В это время Красавец лежал в ванне, наполненной горячей водой с сильным запахом лекарств. Его тело начали обрабатывать травами, и врачи приложили немало усилий, чтобы сохранить ему жизнь. Его тело было истощено, эмоции нестабильны, и состояние здоровья было крайне тяжёлым.

Красавец умолял врачей спасти ребёнка, но те молча смотрели на императора за занавеской, не решаясь согласиться.

Чжао Цзюэ был мрачен. Он видел в этом ребёнке угрозу и готов был вскрыть живот Красавца, чтобы вытащить этот плод. Врачи говорили: если ребёнок не выживет, жизнь матери тоже будет под угрозой, ведь срок уже большой, и тело Красавца не выдержит. Император молча стоял у перил, пил вино. Его любимая наложница вернулась, но, казалось, в его сердце теперь поселились хунну.

Иэрдань каждый день ругал императора у ворот, и Чжао Цзюэ, ненавидя его, готов был содрать с него кожу. Он лично отправился в тюрьму и выпорол своего брата кнутом. Улэйжо был уже полумёртв, весь в крови, но в его глазах пылала ненависть к императору — он готов был съесть его заживо.

На следующий день Иэрдань, ещё до рассвета, снова пришёл к воротам, чтобы кричать оскорбления, но вдруг увидел: на стене висит окровавленный человек, казалось, уже мёртвый.

Иэрдань взгляделся и вдруг издал вопль, словно его самого пронзили мечом:

— Чжао Цзюэ! Я убью всю твою семью!

— Твой прах будет развеян над навозной ямой!

На стене раздался голос, и верёвка, на которой висел его брат, внезапно начала стремительно опускаться. Иэрдань закричал:

— Остановитесь!

На стене наконец раздался голос, и император приказал передать:

— Проклятый Иэрдань! Если продолжишь нести эту чушь, твоя участь будет такой же, как у твоего брата!

Иэрдань продолжал, его голос стал хриплым:

— Чжао Цзюэ, если ты мужчина, спустись! Мы сразимся один на один! Тот, кто сжульничает, будет проклят навеки!

Солдат, передавая слова императора, кричал:

— Проклятый Иэрдань! Ты всего лишь собака, ты недостойн сражаться с нашим императором!

Иэрдань не унимался:

— Чжао Цзюэ, ты трусливый зверь, ты дрожишь передо мной, ты упадёшь на колени, как только увидишь меня!

— Иэрдань, твоя судьба будет такой же, как у твоего отца, сожжённого нашим императором!

— Чжао Цзюэ, спустись и умри!

...

У ворот армии продолжали переругиваться, а Улэйжо висел целый день, и руки его вывихнулись.

В загородном дворце император, услышав, что Иэрдань чуть не лопнул от злости, наконец улыбнулся, почувствовав облегчение. Улэйжо подняли на стену ночью, обработали раны, а на следующий день снова вывесили — чтобы донять Иэрданя.

Вечером император лёг спать, обняв Красавца. Тот долго не мог заснуть и, обняв брата за шею, умолял:

— Брат.

Император был нежен, целуя его:

— Что случилось?

Красавец, сдерживая слёзы, смотрел на него:

— Брат... отпусти Улэйжо...

Лицо императора потемнело. Красавец продолжал умолять:

— Отпусти его, брат, он спас мне жизнь, умоляю тебя...

Император сел, его лицо исказилось от гнева:

— Ты вообще думаешь обо мне?

Красавец замолчал, испугавшись. Император посмотрел на его живот с отвращением и язвительно бросил:

— Яньчжи, ты, кажется, привык к их жизни!

Красавец замер, его лицо побелело. Император в ярости встал, взял свой меч и вышел. Он пил вино на веранде до рассвета, а затем, пьяный, вернулся. Красавец заснул только под утро, его измученное тело погрузилось в глубокий сон.

Император, увидев его спокойное лицо, смягчился — как в детстве, когда тот спал у него на руках, и он, даже если рука затекала, не двигался, боясь разбудить. Император, шатаясь, подошёл к нему, сел рядом и, поглаживая его побледневшее от переживаний лицо, наклонился, чтобы поцеловать в губы.

— Жун'эр, — прошептал он.

<http://bllate.org/book/16253/1462007>